

Сима открыла глаза и тут же снова их закрыла. Ей захотелось немедленно умереть. Свет резал глаза хирургическим скальпелем, в ушах бухало, как будто кто-то забивал сваи в сухую каменистую почву, а во рту было сухо и мерзко, как в пустыне Гоби после праздника.

Так. Приехали.

Сима попыталась сосредоточиться и понять для начала хотя бы две вещи: где она находится сейчас и что делала накануне.

Для того чтобы ответить на первый вопрос, ей пришлось снова открыть глаза. Это было трудно, мучительно, но необходимо, и она с этим справилась.

Перед глазами все плыло и покачивалось, как после долгого катания на карусели, но невероятным усилием воли она все же сумела остановить это кружение и поняла, что находится не у себя в спальне.

Если бы она была в своей спальне, то прежде всего увидела бы висящую на стене картину, которую купила в Барселоне, — женщина в черной юбке, с розой в густых черных волосах. Знойная брюнетка сидела на балконе, перед ней стоял стакан чего-то холодного, и брюнетка как раз собиралась из него пить. Но увидела кого-то знако-

мого внизу, на площади под балконом, и забыла про напиток.

Сима с новой силой ощутила, как дерет пересохшее горло, и дико позавидовала знойной брюнетке. Хоть бы воды простой глоточек...

Однако вместо картины с брюнеткой был черный экран телевизора, на котором висела ее собственная юбка, рядом стояла ваза из голубого стекла, купленная в Праге. Ваза вроде бы на месте, но вот юбка... Сима в принципе была девушкой аккуратной, мама с детства вдолбила ей несколько постулатов. И один из них был такой: если живешь с мужчиной, в квартире должен быть относительный порядок. Ничто так не способно вывести мужчину из себя, как валяющиеся посреди комнаты вещи. Никаких рваных колготок на кухонном столе и чашек с недопитым кофе возле компьютера. То есть мужчина-то может где угодно оставлять свои чашки и разбрасывать по всей квартире грязные носки, это он считает в порядке вещей. Но от тебя такого не потерпит. Может, и не сбежит немедленно, но зачем, спрашивается, провоцировать человека на скандал? Так что твои трусики могут повиснуть на настольной лампе только в том случае, если мужчина сорвет их с тебя в порыве страсти. И то утром поскорее нужно их убрать.

Сима не во всем была согласна с мамой, но все же в памяти кое-что отложилось. Поэтому, когда они начали жить с Сережей вместе, старалась поддерживать в квартире относительный порядок.

Так что юбка на телевизоре — это явный перебор.

Сима сделала над собой еще одно усилие и поняла, что находится у себя дома, но не в спальне,

а во второй комнате — той, которая в зависимости от желания и потребностей минуты играла роль гостиной, или кабинета, или столовой.

То, что она была дома, — это хорошо. Но почему не в спальне?

И тут вчерашний вечер начал понемногу проступать в памяти, высывая из темноты то один свой уголок, то другой.

Она вспомнила, как пыталась открыть дверь своими ключами, как ключ долго не попадал в скважину, а потом связка вообще упала на пол. Она опустилась на четвереньки, чтобы ее поднять, и в этот ужасный миг дверь квартиры открылась и на пороге появился Сергей.

Кажется, он очень удивился, увидев, как она ползает по лестничной площадке. Кажется, он что-то сказал и попытался втащить ее в квартиру. Но Сима от него ожесточенно отбивалась, непременно желая найти ключи, причем найти сама, чтобы доказать Сергею, что вовсе не пьяна...

Так.

Главное слово было произнесено — пусть и только мысленно.

Она вчера дико напилась. И сегодня мается жутким похмельем. Отсюда — сухость во рту, звон в ушах, и комната кружится, как будто Сима катается на карусели.

Очень красиво. Но хуже всего было то, что вчера Сергей видел ее такой. Перед Симиными большими глазами всплыло его лицо — выражение сначала удивленное, потом такое брезгливое, а потом просто злое. Ну, правильно. Что может быть отвратительнее, чем пьяная в хлам баба?

Но как она умудрилась так напиться? И самое главное — где?

Сима сжала зубы, оттолкнулась руками и рывком села на диване. Голова взорвалась невыносимой болью, так, что она вскрикнула. Телевизор поехал куда-то в одну сторону, журнальный столик — в другую. Сима схватилась за диванную подушку, закусила губу... Но боль неожиданно отступила, и мебель встала на место. Остался только звон в ушах — ну, это семечки.

Теперь вчерашний вечер стал не таким загадочным. Кажется, она смогла бы ответить на вопрос: «Где?»

Сима вспомнила, что накануне ходила на встречу одноклассников. Прошло десять лет со дня окончания школы, и не в меру активная Ленка Голубовская обзвонила всех, кого смогла найти, заказала зал в ресторане и провела огромную организационную работу. Пришли почти все — Ленкиной энергией учителя восхищались еще в школе. Одноклассники Ленку не слишком привечали — уж больно была настырна, как говорят, легче уступить, чем объяснить, что не хочешь... Но в данном случае Ленкино упорство сыграло положительную роль — она не принимала никаких отказов, вот и явился на встречу почти весь класс.

Ресторан оказался новый, Сима в нем до того не была. Места много, сначала все сидели за столом, потом танцевали и общались. Погуляли, в общем, на славу...

Да, но насколько Сима помнила, она вчера не так уж много пила... кажется, бокал вина и два легких коктейля... или три... но, как бы то ни было, результат налицо.

Сима спустила ноги на пол и застонала.

Комната снова поплыла перед глазами, шум в ушах усилился.

— Сережа! — жалобно позвала она.

Ей не хотелось, чтобы Сергей видел ее в таком жалком состоянии, но прийти в себя без постоянной помощи она просто не могла.

Однако на ее призыв никто не отозвался.

Ну ясно — Сергей дует на нее после вчерашнего... В общем-то, он прав, но ей было так плохо, что срочно требовалась помощь. В конце концов, для чего нужен близкий человек? Чтобы пожалеть в горькую минуту, как говорила Симиная бабушка.

Однако Сергей не явился на Симин зов. Или она позвала его слишком тихо и он просто не услышал?

Сима предприняла еще одну попытку, но поняла, что такой слабый и сиплый голос не услышишь даже в двух шагах, а не то что из другой комнаты. Что он там делает? Спит? Слушает музыку в наушниках? Читается в Интернете?

Ничего не оставалось, как полагаться на свои силы.

Она вцепилась в спинку стула, оперлась на нее и встала.

Ну как же ей было худо!

С трудом переставляя ноги, Сима добрела до двери, выбралась в прихожую и попятилась, увидев перед собой какое-то жуткое привидение. Лицо серое, черные круги под глазами, всклокоченные волосы — вылитая ведьма из фильма ужасов!

И тут до Симы дошло, что это — ее собственное отражение в зеркальной дверце стенного шкафа... Не может быть... Она даже оглянулась, чтобы выяснить, не стоит ли кто сзади. От такого простого действия голова снова взорвалась болью, и до Симы дошло, что никого здесь больше нет, что в зеркале отражается она собственной персоной.

Сима вяло порадовалась тому, что Сергей не услышал ее призыва и не видит ее во всей красе. Впрочем, вчера она, должно быть, тоже выглядела не самым лучшим образом. В глубине души шевельнулись слабые ростки стыда. Ну это же надо так напиться! И главное — с чего ее так повело? С бокала вина и двух коктейлей? Нет, кажется, их было три.

Первый коктейль она выпила, как только вошла в зал ресторана. Это Ленка Голубовская так распорядилась — коктейли стояли на столике у входа, и она зорко следила, чтобы все пили. Она сказала, что это называется «приветственный фуршет». От Ленки ведь так просто не отстанешь. Сима не помнила, какой был коктейль — что-то разноцветное, приторное, с бумажным зонтиком. И вдруг будто воочию увидела, как Вадик Пугачев попробовал свой коктейль, тихонько поморщился — бурда, мол, — и поставил бокал на столик. И она, Сима, последовала его примеру. Стало быть, тот, первый, коктейль можно не считать. Но что было дальше? Пока что в голове стоял полный туман.

Налюбовавшись на свою неземную красоту, Сима кое-как доковыляла до ванной. Для того чтобы открыть дверцу душевой кабинки, ей понадобилось минут семь и все силы, что остались в организме. Впрочем, их почти не осталось.

Сима зажмурилась и пустила только холодную воду, потом, когда терпеть стало невозможно, открыла горячую. Таким образом она наказывала себя за безобразное поведение накануне.

Контрастный душ сделал свое дело, и через двадцать минут она почувствовала себя гораздо лучше. Из зеркала на нее смотрела несчастная, бледная, больная физиономия, но все же больше

похожая на человека, а не на маску к Хеллоуину. Теперь она могла показаться перед Сергеем, а если бы он сварил ей чашку крепкого кофе, какой умеет варить только он, Сима почти стала бы человеком...

Она кое-как подсушила волосы, надела розовый халатик, в котором ее бледность была не так заметна, и выбралась из ванной.

Встав на пороге, она снова позвала:

— Сергей! Сережа!

И опять ей никто не ответил.

Держась за стенку, она добрела до кухни.

Там Сергея не было. Не было и обычных признаков его утреннего присутствия — не пахло свежемолотым кофе и тостами, не урчала включенная микроволновка...

— Сергей! — повторила Сима жалобно. — Серенький! Ты что, все еще на меня сердисься?

Вопрос был риторический.

Мало того что она накануне приползла домой буквально на бровях, сейчас в ее памяти всплыли такие детали вчерашнего вечера, что Сима покраснела до корней волос. Она вспомнила, как ползала на площадке в поисках ключей, как Сергей тащил ее в квартиру, а она вырывалась и орала что-то несутное.

Другой мужик бросил бы такую заразу на холодном полу, чтобы протрезвела к утру, но только не Сергей. Он всегда стеснялся соседей. Точнее, никого не хотел пускать в свою жизнь. Так и говорил Симе: с соседями ни в какие отношения не вступать. Скажешь «здрате» у лифта и пошла себе по своим делам. С детками не сюсюкать, собачек не гладить, мужикам глазки не строить, с тетками про погоду не разговаривать, дворничихе заме-

чаний не делать. Если какие проблемы — пускай ко мне обращаются, я разберусь. Сима на такие слова только кивала — квартира его, хозяин — барин, ей эти соседи ни к чему совсем...

Так что никак он не мог оставить ее на лестнице в пьяном виде, притащил в квартиру. А там Сима окончательно сошла с катушек. Она смутно помнила, что упрекала Сергея в чем-то, потом заливалась пьяными слезами, потом... потом, кажется, ее долго тошнило в туалете... Какой кошмар!

Так что если Сергей на нее дуется, его вполне можно понять...

Сима трясущимися руками налила воду, включила кофеварку, поставила чашку.

Конечно, это будет не такой кофе, как тот, что варит Сергей, но в ее состоянии выбирать не приходится... Ей бы взбодриться, а то сил совсем нет. Ну, это надо же было так нажраться...

Пока готовился кофе, она добрела до спальни, чтобы попросить прощения за вчерашнее. Сделав жалобное и виноватое выражение лица, толкнула дверь, заглянула внутрь...

И замерла в растерянности.

Сергея в спальне не оказалось. Больше того, их кровать вообще не была расстелена, как будто в ней никто сегодня не спал.

Это было совершенно непонятно.

Может быть, Сергей просто ушел на работу и не стал будить ее из обычного человеколюбия?

Бред! Ведь сегодня воскресенье, они потому и назначили встречу одноклассников на субботу, чтобы после нее можно было спокойно выспаться! Не веря себе, Сима взглянула на календарь, что висел на стене у двери. Так и есть, сегодня вос-

кресенье, так что ни о какой работе не могло быть и речи. Сергей работал в обычной коммерческой фирме, у них не бывало авралов и сверхурочных.

Сима в полной растерянности еще раз обошла квартиру, хотя и понимала, что смысла в этом никакого — квартирка у них не такая большая, чтобы в ней можно было потерять человека, две комнаты, кухня и ванная.

Вернувшись на кухню, она выпила чашку кофе.

О том, чтобы что-то съесть, не могло быть и речи, организм протестовал, но кофе без сахара и сливок пошел хорошо, Сима немного приободрилась и попыталась обдумать ситуацию.

Для начала она взглянула на часы. Стрелки показывали четверть десятого. Судя по тому, что за окнами проступала тускло-серая демисезонная хмарь, а не глухая ночная темнота, четверть десятого утра. Стало быть, проспала она недолго. Да ведь и явилась-то домой не очень поздно.

Ресторан работал до последнего посетителя, однако девчонки что-то засобирались рано, не было еще и одиннадцати. Возможно, этому способствовала Ленкина неумеренная активность, всем до зубовного скрежета надоел ее громкий голос и бесцеремонные манеры.

Голубовская ловила всех на выходе и заставляла допивать все те же коктейли. Деньги, мол, уплачены, так зачем же добру пропадать? И снова Сима смутно вспомнила, что не допила свой коктейль, потому что чувствовала, что сильно опьянела. Кажется, она бросила стакан на пол, и он разбился. Ну да, Борька Галкин еще вляпался в липкую лужу и посмотрел на Симу злобно.

Стало быть, этот коктейль тоже можно не считать. А тогда с чего же ее так повело? Сколько ни

задавай себе этот вопрос, ответа все равно не получишь.

Сима вздохнула и еще раз оглядела спальню.

Сергея не было дома — с этим фактом приходилось примириться. Причем, судя по состоянию постели, он дома и не ночевал.

То есть, конечно, можно предположить, что он встал рано утром, застелил постель и куда-то ушел, но это полностью меняло Симины представления о мире. Сергей никогда в жизни сам не стелил постель, на этот счет у него был какой-то собственный заскок. Если этого не делала Сима — постель оставалась незастеленной до самого вечера. А уж представить, что он стал бы делать это в такую рань в воскресенье... нет, это просто невозможно!

Приходилось признать, что он ушел из дома. Ушел, чтобы не оставаться с ней под одной крышей. Уж очень отвратительно Сима выглядела вчера ночью. Да и вела себя не лучше. Вот он и ушел, чтобы ее не видеть.

Куда ушел? Это вопрос.

Сима повалилась на кровать, прямо на шелковое покрывало, чего раньше не позволяла делать даже Сергею, и уткнулась в потолок — белый и чистый. Дом был новый, ремонт делали недавно.

— Куда он мог пойти? — спросила Сима потолок. — И главное, у кого он ночевал?

На потолке ничего не было написано. Сима напрягла память и с удивлением констатировала, что она понятия не имеет, куда же мог пойти ее близкий мужчина. Родители у него далеко, причем, кажется, осталась только мать, а отец умер. Или родители развелись, мать уехала не то на Украину,

не то в Белоруссию, а отец остался в далеком небольшом городе. Сима понятия не имела в каком.

Сергей рассказывал о себе неохотно, а ей - то это зачем? Вот братьев и сестер у него точно не было. А насчет друзей...

Сима подумала и с удивлением поняла, что она не может вспомнить близких друзей Сергея. То есть, конечно, были у него приятели, они встречались в ресторанах и клубах, но Симе было ясно, что знакомства эти у Сергея шапочные, он вообще легко сходилась с людьми, правда, домой никого не любил приглашать, мой дом, говорил, — моя крепость, тут мы будем отдыхать, а если с друзьями пообщаться, то для этого есть рестораны и все такое прочее. Не было у него друга закадычного, такого, как у Симы подружка Ирка.

Вспомнив про Ирку, Сима тяжело вздохнула. Ирка в прошлом году вышла замуж за финна, да ладно бы еще в Финляндии с ним жила. Тогда можно было бы на выходные к ней съездить. Так нет, финн оказался какой-то нетипичный, беспокойный, вечно его мотало по свету. Сейчас, кажется, в Новую Зеландию намылился.

Сима повернулась и улеглась поудобнее. Да, звонить приятелям не имеет смысла, в конце концов, это даже неудобно, Сергей потом ей выскажет. Она и сама понимала, что незачем посвящать всех в то, что они поссорились. Мало ли где он ночевал? Да хоть в гостинице...

Сима подавила в зародыше мысль, что Сергей сейчас у какой-нибудь девицы. Это маловероятно, он такими делами не увлекается. Они живут вместе почти год, и налево он за это время не ходил, это точно. Вообще, до этого они ни разу даже сильно не ругались. Не было у них скандалов